

**О верных вассалах и преданных спутниках.  
Рецензия на альбом  
«Расставаясь с жизнью.  
Предания о верных вассалах из Аки  
в иллюстрациях Итиюса Куниёси»**

**А. В. Гудкова, Д. Д. Романчев**

***Аннотация***

В 2025 г. свет увидел необычный труд, изданный усилиями петербургской галереи KASUGAI при содействии книжного магазина «Желтый двор». Галерея KASUGAI существует уже более 20 лет и выставляет предметы японского искусства. Данная статья представляет собой рецензию альбома «Расставаясь с жизнью. Предания о верных вассалах из Аки в иллюстрациях Итиюса Куниёси» (2025).

Идея данной работы возникла после того, как в коллекцию галереи попал оригинальный японский альбом XIX в. с гравюрами знаменитого художника конца периода Эдо (1600–1868) Утагава Куниёси (1798–1861). Альбом включает гравюры из серии «Жизнеописания преданных и верных вассалов» и «Жизнеописания преданных и верных сердец», посвященные одной из самых известных легенд о самураях – истории 47 *ронинов*. Эти гравюры, переведенные и снабженные комментариями, были опубликованы в рассматриваемом альбоме. К гравюрам дано подробное пояснение, благодаря чему с ними может познакомиться даже читатель, только начинающий свое знакомство с этим японским искусством.

История о *ронинах* из Аки: 1701–1703 гг. – эталонный образец легенды о самурайской преданности, доходящей до фанатизма, и одновременно – это классическая история о мести. Она завоевала любовь людей по всему миру, повлияв на формирование современного образа воинского сословия Японии.

Перевод скорописных текстов «Жизнеописания преданных и верных сердец» на русский язык приводится в данном альбоме впервые, что делает его самым удобным и доступным способом познакомиться с прекрасными гравюрами Утагава Куниёси сразу из двух сборников. Помимо гравюр, альбом

включает уникальные материалы: три вступительных диптиха и лист с описанием реликвий *ронинов*.

Кроме того, изобразительно-источниковую часть дополнили полностью оригинальные научные статьи, значительно усиливших погружение в контекст легенды о 47 *ронилах*. Авторами статей стали известные японисты Трубникова Н. Н., Щепкин В. В., Гусева А. В., Сеницын А. Ю., Мельникова И. В., Хомченкова В. В., Голда А. И., Тягунова Е. О., Кубасов Ф. В.

**Ключевые слова:** гравюры укиё-э, Утагава (Итиюсай) Куниёси, 47 *ронинов*, период Эдо, самураи.

**Авторы:**

Гудкова Александра Владимировна, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН:

107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: alex.v.gudkova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9205-7677

Романчев Данила Дмитриевич, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

**Конфликт интересов**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

## **Of Faithful Vassals and Loyal Companions. Review of the Album *Parting With Life. Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi***

**A. V. Gudkova, D. D. Romanchev**

**Abstract**

In 2025, an unusual work was published by Saint Petersburg gallery KASUGAI with the assistance of the “Yellow Yard” bookstore. The KASUGAI gallery has existed for over 20 years and exhibits Japanese art. This article is a review of the album *Parting With Life: Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi* (2025).

The idea of publishing the album arose after the gallery's collection acquired an original 19<sup>th</sup> century Japanese album of prints by a famous artist of the late Edo period (1600–1868) Utagawa Kuniyoshi (1798–1861). The album included prints from the series “Stories of the True Loyalty of the Faithful Samurai” and “Stories of the True Loyalty of the Faithful Hearts,” dedicated to the story of the 47 *rōnin*, one of the most popular stories about Japanese warriors. These prints, translated and provided with comments, were published in this album. The prints are given a detailed explanation. Thanks to that, even a reader studying Japanese prints for the first time can explore them.

The story of the *rōnin* from Akō of 1701–1703 is a prime example of a romanticized legend of samurai devotion, reaching fanaticism. It is also a classic story of revenge. It won the love of people far beyond Japan, influencing the formation of the modern image of the Japanese warrior class.

The translation of the cursive texts of “Stories of the True Loyalty of the Faithful Hearts” into Russian is given in this album for the first time, which makes it the most convenient and accessible way to get acquainted with the beautiful prints of Utagawa Kuniyoshi from two collections at once. In addition to the prints, the album includes unique materials: three introductory diptychs and a sheet with a description of the relics of the *rōnin*.

Furthermore, the pictorial and source part was supplemented by completely original academic articles, significantly enhancing immersion in the context of the legend of the 47 *rōnin*. The authors of the articles are leading Japanologists Trubnikova N. N., Shchepkin V. V., Guseva A. V., Sinitsyn A. Yu., Melnikova I. V., Khomchenkova V. V., Golda A. I., Tyagunova E. O., Kubasov F. V.

**Keywords:** ukiyo-e prints, Utagawa (Ichiyusai) Kuniyoshi, 47 *rōnin*, Edo period, samurai.

**Authors:**

*Gudkova Alexandra V.*, Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: alex.v.gudkova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9205-7677

*Romanchev Danila D.*, Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

**Conflict of interests**

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Период Эдо (1600-1868) – эпоха «Великого мира» в Японии. Этому периоду предшествовали столетия феодальной междоусобицы и гражданской войны. Теперь же доминирующей силой стали сёгуны из династии Токугава – лидеры военного сословия самураев. Обще-ственно-политическая система в период Эдо была тонко настроена таким образом, чтобы гарантировать мир, стабильность и незыблемость существовавших порядков. В 1700-е гг. период мира был в самом расцвете. Количество воинских контингентов сокращалось, большая часть самураев переквалифицировалась в администраторов и чиновников. Удивительно, но этот период господства воинского сословия стал для Японии, пожалуй, самым мирным. Начался расцвет искусств и самобытной японской культуры, в том числе городской. Одним из таких искусств по праву являются *укиё-э*, «картины плывущего мира». Наибольшего расцвета этот жанр городского изобразительного искусства достиг ко второй половине XVIII – первой половине XIX в. Ярким представителем этого жанра является Утагава Кунисаи (1798–1861), который в данном альбоме иногда упоминается под псевдонимом Итиюсай.

Помимо изящных искусств, период Эдо стал временем складывания «классического» образа самурая, как верного и доблестного вассала-воина. В период мира и в условиях нерушимости существующего порядка, для самураев верность одному господину становится главной ценностью. Именно в это время пишутся наиболее известные философские трактаты, ассоциирующиеся у большинства с полулегендарным кодексом «Бусидо» и самураями – «Книга пяти колец» Миямото Мусаси (1584–1645), «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо (1659–1719) и т. д.

На гравюрах, представленных в данном альбоме, соединились воедино сразу два продукта периода Эдо – эталонная история о самурайской верности, и прекрасные иллюстрации руки мастера Кунисаи.

Перед тем, как перейти непосредственно к содержанию работы, следует обратить внимание на её структуру. В начале альбома представлены вступительное слово от директора галереи японского искусства KASUGAI Миралюбовой В. В. Далее следует общее вступление ко всей работе – вводная часть, занимающая 4 страницы. Несмотря на небольшой объем, оно дает довольно хорошее представление о самой легенде о 47 *ронинах* из Акио, о источниках, основных событиях и влиянии на культуру.

Страницы 15-120 занимают научные статьи от известных российских японоведов. На стр. 123–152 располагаются две статьи несколько иного характера: одна посвящена подробному описанию сборников работ Утагава Куниёси, который находится в коллекции KASUGAI (а также истории *укиё-э* в период Эдо), а вторая – комментариям переводчика касательно работы над этим альбомом. Итого, из 317 страниц 152 стр. занимает так или иначе научный текст. Это практически половина всего альбома. Несмотря на сравнительно небольшое количество страниц – 317 – благодаря крупному книжному формату 70х90/8 на страницу помещается достаточно много информации, будь то текст или иллюстрация.

Вторую половину альбома занимают гравюры, перевод их сопроводительного текста и комментарии к нему. Всего в альбоме, попавшем в распоряжение галереи KASUGAI, содержится 51 лист серии «Жизнеописание преданных и верных вассалов» и 18 листов «Жизнеописания преданных и верных сердец». В оригинальный альбом включены 6 листов с дополнительными изображениями, а также лист с описанием экипировки *ронинов*. Помимо самих гравюр, к научным статьям в качестве сопроводительного материала предоставлено более 60 иллюстраций, призванных глубже погрузить читателя в тему.

Таким образом, данный альбом представляет собой уникальную в жанровом смысле работу. С одной стороны, мы имеем прекрасно изданный и переведенный источник. С другой стороны, порядка половины книги – научные статьи от зарекомендовавших себя ученых-японистов. Статьи используют тему легенды о 47 *ронинах* из Ако:, как повод для более широкой дискуссии о истории воинского сословия Японии в период Эдо и не только. Статьи затрагивают как саму легенду, так и то, что её окружало.

Из подобного рода экспериментальных форматов можно вспомнить энциклопедию синто «Боги, святилища, обряды Японии» (2010), в которой сочетались научные, популяризаторские и справочные статьи, снабженные энциклопедическим словарем по каждой теме. Однако, альбом «Расставаясь с жизнью...» представляет собой уникальный формат, на который, возможно, стоит обратить внимание и другим коллективам историков.

Подобное «комплексное» издание, включающее и изобразительную и научную часть, придает еще большую ценность источнику, т. к. статьи дополняют контекст и раскрывают неочевидные смыслы,

заложенные в оригинальные иллюстрации. В данном альбоме источник (гравюры Куниёси) не находится в вакууме, а помещен в контекст эпохи. Например, завязка истории о мести *ронинов* Ако: тесно связана с жестким церемониалом, который существовал в замке Эдо в период Токугава. В этом плане альбом именно в нынешнем виде дает более полное представление о тех событиях.

Центральное место в альбоме занимают гравюры Утагава Куниёси, мастера *укиё-э*, отпечатанные в 1847–1848 гг. Куниёси творил в самых разных жанрах, но отдельно хочется заметить, что он был основателем «воинского» течения в гравюрах. О творчестве Куниёси написано очень много, в том числе на русском языке. Буквально в прошлом (2024) году вышло переиздание каталога Государственного Эрмитажа «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава. Каталог выставки» (1997), в своё время составленного хранителем японского отдела музея Государственный Эрмитаж М. В. Успенским (1953–1997). Работа была переиздана в формате красочной монографии и опубликована усилиями петербургского издательства «Арка» под названием «Куниёси и его время» (2024)<sup>1</sup>. Вместе с другими работами Успенского, эта книга даёт достаточно полное представление о творчестве, жизни и эпохе Куниёси. В этом смысле составители не ставят перед собой цель повторять уже известное. В местах, где необходимо дать краткую историческую справку, в альбом могут цитировать слова Успенского, на что было получено разрешение его наследников. Однако, такие «повторения» всегда уместны, и призваны облегчить понимание творчества Куниёси для читателя.

Приведенные в альбоме гравюры снабжены подписями другого художника – Иппицуан. Под этим псевдонимом скрывается Икэда Ёсинобу (1790–1848), творивший в жанре исторической беллетристики. Он часто работал вместе с Куниёси, и снабдил его работы о *ронилах* из Ако: определенной биографической справкой. Правда, справка эта весьма необычна, если не сказать обрывиста. Автор не пишет о биографии *ронинов* в привычном смысле слова, вместо этого раскрывая происхождение персонажа, определенные положительные качества – его преданность, силу, мудрость, навыки владения тем или иным оружием. Как результат, в персонажах не так много индивидуальности. Героев в описании Иппицуан можно разделить

---

<sup>1</sup> О данной монографии см. подробнее рецензию: [Воробьева 2024].

на несколько подтипов: могучие самураи, старики и воины-интеллектуалы. Повествуя о каких-то небольших отрывках из боевых подвигов 47 *ронинов*, Иппицуан рассчитывает на то, что читатель уже знаком с этими персонажами. Он лишь напоминает нам образ героя, обозначает его типаж.

Безусловно, текст Иппицуан на гравюрах Куниёси не были бы понятны нам без качественного перевода. Гравюры из собрания «Жизнеописания преданных и верных вассалов» уже ранее были переведены на русский и опубликованы в каталоге «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава. Каталог выставки» и монографии «Самураи Восточной столицы, или Сорок семь преданных вассалов (*в гравюрах Итиюсая Куниёси и биографиях Иппицуана*)» (1998) усилиями М. В. Успенского. Однако, перевод «Жизнеописания преданных и верных сердец» публикуется на русском языке впервые, и выполнен историком-японистом и переводчиком Ф. В. Кубасовым. Ф. В. Кубасов зарекомендовал себя как профессиональный переводчик старинных японских текстов по теме военного искусства, а также как популяризатор науки – можно отметить его лекции об истории ниндзя на площадке форума «Ученые против мифов».

Куниёси писал свои гравюры в условиях жесткой цензуры. Например, в то время запрещалось изображать современные события и как-либо критиковать *бакуфу*. Многие персонажи фигурируют под вымышленными именами, а события и временные рамки иногда искажаются. В ответ художники и литераторы придумали жанр *мита-тэ-э*, где содержание передавалось намёками и скрытыми смыслами. В 1840-е гг. усиливается борьба за мораль, и запрещаются изображения куртизанок и даже актеров театра кабуки. Для того, чтобы продолжать работать, Куниёси переключается на другие сюжеты, и появляются серии «Жизнеописания преданных и верных вассалов» и «Жизнеописания преданных и верных сердец». В первом сборнике автор изображает 47 *ронинов* из Акио, а во втором – тех, кого *ронины* оставили позади, кто помог им.

Отличительной особенностью второго сборника является его качество. Тогда как первый сборник многократно перепечатывался, т.к. активно расхаживал по рукам, второй сборник продавался более скромно. В нем мы видим, что атрибуты персонажей прописаны намного четче и детальнее, а цвета – заметно ярче. По этому

сборнику можно судить о высочайшем уровне профессионализма художника Куниёси.

Нельзя не отметить внешний вид самого издания. Оригинальный альбом XIX в. был собран под дорожную обложку и имел очень нарядный вид, что удалось передать и в данном издании. Оно красочное, презентабельное, можно сказать премиальное. Альбом – украшение любой книжной коллекции, и прекрасное дополнение фонда отечественного японоведения. Сами гравюры имеют высококачественную и четкую полиграфию, и знакомиться с источником в таком формате одно удовольствие. Диалектически, высочайшее качество издания обусловило и главный минус данной работы – ее цену. Однако, необходимо понимать, что создание подобного рода альбома потребовало труда целого коллектива авторов, переводчиков, редакторов и корректоров.

Далее следует перейти к рассмотрению первой части альбома, состоящей из научных статей. После предисловия директора галереи KASUGAI следует введение **«Среди цветов – сакура, среди людей – сагurai». Легенда о ронинах из Аки»**.

История о мести *ронинов* из Аки: – это настоящий вызов для историков. Большая часть источников – нарративная. Когда дело касается точной хронологии, причин инцидента и мотивов участников, то у исследователя и простого читателя возникает сразу много вопросов.

В 1701 г. замке Эдо происходит инцидент: князь Аки: Асано Наганори (1667–1701) совершает покушение на жизнь церемониймейстера Кира Ёсинака (1641–1703). Со стороны это нападение казалось спонтанным, но за ним скрывалась, скорее всего, глубокая обида Наганори на Ёсинака.

Ранее молодому князю небольшого удела Наганори и князю Цувано Камэй Корэтика (1669–1731) в рамках сложившейся традиции было поручено провести церемонию обмена подарками с делегацией императорского двора. Было принято, что в первом месяце каждого года от имени сёгуна двору преподносятся подарки, благие вести и пожелания, а через три месяца делегация двора наносит ответный визит в Эдо. Такие порядки действовали вплоть до января 1868 г., когда новый год в отношениях уже бывшего 15-го сёгуна Ёсинобу (1837–1913) и императорского двора начался не с поздравлений, а с взаимных обвинений в вероломстве.

Наставлять князя Наганори в тонкостях церемонии назначили мастера церемониала – Кира Ёсинака (1641–1703). При не вполне ясных

обстоятельствах, между двумя мужчинами испортились отношения, и Ёсинака, скорее всего, испортил работу Наганори, и тот опозорился в процессе церемонии. В гневе, он напал на Ёсинака в коридоре замка Эдо, нанеся несколько ударов клинком. Обнажить меч в стенах замка Эдо считалось ужасным преступлением, и приговор мог быть лишь один. Наганори совершил ритуальное самоубийство *сэппуку*, будучи уверенным, что Ёсинака погиб. Однако, церемониймейстер выжил.

Помимо самого князя, был наказан и весь его род. Княжеский род Асано упразднился, а все его вассалы автоматически переходили в разряд *ронинов*. Замок и земли передали другому роду – до 1706 г. Нагаи, в 1706–1871 гг. Мо:ри.

Феномен *ронинов* – самураев без хозяина – был известен в Японии достаточно давно. Но свою особенную форму он приобрел именно в период Эдо. В начале этого периода феодалов часто снимали с земли, меняли местами или вовсе лишали всего. В этих условиях появлялась масса *ронинов*. Однако, в отличие от былых времен, они не могли найти себя на войне, а жили в условиях мира. Одновременно, лишаясь сюзерена, *ронин* терял и возможность владеть землей, а значит не имел с неё доходов. Феномен воина без хозяина, потерявшего смысл жизни в условиях «Великого мира» – один из центральных мотивов легенды о 47 *ронинах*.

Самурай как таковой – один из самых растиражированных образов массовой культуры современности. Этот образ со временем сильно разошелся с тем, что представлял собой настоящий самурай. Часто источниками информации о воинском сословии Японии для среднестатистического человека служат не исторические источники или научные монографии, а легенды и романтические истории. А значит, крайне важно в этих условиях изучать именно источники, проявлять научный подход. В этом смысле альбом «Расставаясь с жизнью...» является огромным подспорьем для отечественного японоведения, предоставляя для ознакомления перевод оригинальных гравюр в удобной и эстетически привлекательном формате. Тем не менее, в альбоме гравюры оцениваются критически, и их содержание проходит проверку на соответствие действительности.

Серию научных статей открывает статья «**“Верный слуга не служит двум господам”**». Понятие «**тюсин**» в истории японской словесности», автором которой выступила российский философ, востоковед и японовед **Н. Н. Трубникова**. Научному перу

Н. Н. Трубниковой принадлежат многочисленные статьи по традиционному буддизму и японскому средневековью. Несмотря на то, что тема данного сборника стоит особняком от основных научных интересов Надежды Николаевны, статья предлагает интересный взгляд на одно из основных понятий, конструирующих нарратив инцидента в Аки: – «*тю:син*» (верность, преданность). Работа Н. Н. Трубниковой расположена сразу после краткого вступления о легенде о *ронинах*, и является в некотором смысле вводной: она знакомит читателя с основными элементами истории о самопожертвовании сорока семи *ропинов*.

В своем исследовании Н. Н. Трубникова анализировала термин «*тю:син*» путем сравнения этого понятия с аналогичными ему понятиями, обозначающими вассальный долг в культурах других стран. Автор вскользь упоминает особенности схожего нарратива в западноевропейских произведениях, чтобы в дальнейшем сфокусировать внимание на противопоставлении японского «*тю:син*» китайскому «*чжунчи*» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 17]. Безусловным преимуществом данной статьи может считаться то, что Н. Н. Трубникова опирается как на древнекитайские источники (например, «Жизнеописания» Сыма Цяня), так и на множество средневековых японских источников, что представляет определенную сложность даже для профессионала, но тем самым доказывает научную ценность статьи. Важный вывод, который удалось сделать автору, заключается в том, что главная разница двух, казалось бы, синонимичных понятий в японской и китайской культурах связана с самим источником отношений власти и подчинения: если в Китае вопрос родства не стоял так остро, как в Японии, и поэтому право властвовать по «мандату» мог иметь и знатный человек, и человек из народа, то в островном государстве долгие века царили иные порядки, чьим фундаментом стали родственные связи по крови. «В японских рассуждениях о “верности” «акцент смещается: служа господину, человек сам отказывается быть господином, хотя и имеет на то права» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 18].

Отдельная часть статьи посвящена детальному разбору значения выражения «Верный слуга двум господам не служит», рассматриваются как его эстетическая, так и его прагматическая интерпретации. Если эстетическое восприятие долга можно часто встретить в сочинениях японских средневековых поэтов, то прагматическое

(«прозаическое») – на поле боя, поскольку, как утверждает Н. Н. Трубникова, реальность была далека от поэзии и «нередко (воину) действовать приходилось по собственному разумению, не дожидаясь приказа» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 21], что резко контрастирует с общепринятым пониманием вассальной верности, которая трактуется как безусловное подчинение господину.

Интересно, что вышеупомянутое выражение сохраняло свою значимость вплоть до Реставрации Мэйдзи 1868 г.: когда было провозглашено возвращение всей полноты власти императору Японии, а сёгунат был официально упразднен, многие князья-прямые вассалы Токугава отказались давать присягу новой власти, говоря, что «Лучше быть верным вассалом сёгуна, чем вероломным вассалом императора». Речь здесь шла не об отказе признавать власть императора – это было для всех очевидно – а именно об отказе признавать сюзеренитет императорского двора над вассалами Токугава. Они желали, чтобы их расценивали, в первую очередь, как слуг своего господина. Таким образом, средневековые воззрения на чувство долга просуществовали в Японии до середины XIX в.

Н. Н. Трубникова не обошла стороной и восприятие «женского долга». Ее заметка была краткой, поскольку отдельную главу о женщинах в этом сборнике подготовила И. В. Мельникова, однако Н. Н. Трубникова проиллюстрировала любопытную особенность: если прежде в японской литературе были популярны сюжеты о безутешных, но доживающих свои последние годы до естественной смерти, вдовах, то спустя время участились истории, в которых жены самураев совершали суицид и нередко умерщвляли собственных детей [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 21]. Это считалось демонстрацией посмертной преданности хозяину-мужу.

Автор убедительно продемонстрировала, как понятие «*тю:син*» повлияло на социальные реалии самурайского общества, включая аспекты женской преданности. Таким образом, статья Н. Н. Трубниковой внесла ценный вклад в сравнительные исследования этических норм лояльности в странах Дальнего Востока.

Статья старшего научного сотрудника Института восточных рукописей РАН, доцента кафедры японоведения НИУ ВШЭ, видного японоведа и популяризатора японской истории **В. В. Щепкина** «**Замок, стена и ров**» посвящена структуре воинского сословия в период Токугава. В своей статье автор даёт достаточно краткий, но крайне

точный анализ той структуры, которая существовала внутри воинского сословия Японии. Слишком часто в научной и популярной литературе можно встретить упрощенную картину иерархии в период Токугава, и статья Василия Владимировича в данном смысле отлично справляется со своей задачей.

Автор приводит историю формирования воинских домов (яп. *букэ*) от периода Камакура до периода Эдо, разъясняет разницу между прямыми вассалами сёгуна *хатамото* и *гокэнин*.

По нашему мнению важной частью статьи является анализ различий внутри феодалов *даймё*:, их отношений с сёгуном Токугава. Т.н. «система *бакухан*» была не просто системой распределения полномочий, а скорее системой разделения хозяйственной ответственности. Приводится характеристика разницы между *фудай* и *тодзама даймё*:, заключающаяся в земельных отношениях. Князья *фудай* получили свои удельные землевладения напрямую от рода Токугава, тогда как *тодзама* обязаны своими землями предшественникам Токугава Иэясу – Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, либо же они завоевали свои земли сами. В этом заключался статус князей, основанный на их отношениях с сёгуном Токугава.

Однако, как верно подмечает автор, статус князя не ограничивался лишь этим. Значимость того или иного князя, помимо прочего, определял его доход. Например, среди князей *тодзама*, которых часто определяют, как притесняемых сёгуном, были богатейшие князья Японии. С другой стороны, в управлении *бакуфу* могли принимать участие лишь *фудай даймё*:, зачастую имевшие скромный доход.

Разумеется, автор не стал бы писать об этом, если бы это не было важно в контексте истории о 47 *ронинах*. *Тодзама* княжество Акого: имело доход в 50 000 *коку* и было достаточно небольшим. Тем не менее, Асано Наганори, правитель Акого:, был князем. Так почему же он оказался унижен простым служащим замка Эдо ранга *хатамото*?

Во-первых, князь Акого: был низкого статуса. Для него не было места ни в одной из основных комнат для аудиенции с сёгунами Токугава. Во-вторых, Кира Ёсиаки был главой дома *хатамото*, прямых вассалов сёгуна, представители которого считались знатоками в области церемониала при сёгунском дворе. Несмотря на скромный доход в 4 200 *коку*, Ёсиаки происходил из одного из самых знатных родов *хатамото*. В частности, это выражалось в том, что Ёсиаки имел более высокий придворный ранг, чем, например, князья

Асано. По сути, по своему положению Ёсинака был равен крупному *даймё*; и стоял выше Асано Наганори на 3 ступени. Ёсинака состоял в родстве с родом Уэсуги, правителями крупного северного домена Ёнэдзава, а его мать была из влиятельного рода Сакаи. Старший сын Ёсинака был усыновлен родом Уэсуги и стал 4-м правителем Ёнэдзава под именем Уэсуги Цунанори (1663–1704). Считалось, что род Кира, как и Уэсуги, имел древние связи с сёгунами династии Асикага (1333–1573).

Зная эти нюансы, о которых в том числе повествует автор в данной статье, конфликт двух мужей становится гораздо более понятным и человеческим.

Наказание, которому подвергся род Асано, также входило в число «инструментов влияния» сёгунов Токугава на удельных правителей. Среди них самыми часто применяемыми были конфискации, сокращение или обмен земель. Как указывает автор, вопреки расхожему образу сёгуната Токугава, как жесткой карающей силы, конфискации, сокращения и прочие наказания чаще происходили не из-за проступков князя, а из-за неожиданной смерти правителя, неподходящем наследнике (малолетнем, болезненном) и т.д. Однако, случай Асано Наганори входит в число редких, когда наказывали по проступку.

Неизбежным следствием конфискации всех земель и ликвидации военного дома стал феномен *ронинов* – самураев без сюзерена. Хотя они не лишались самурайского статуса, они становились, по сути, лишними. Возникшее в период Токугава представление о верности, о том, что слуга «не служит двум господам», как у жены не может быть двух мужей, привело к моральной дилемме. Что следует делать верному слуге, если господин погиб?

История о *ронинах* из Аки: преподносится, как эталонный пример самурайской верности. Однако, само представление о самурае, как до фанатизма верном вассале, это тоже продукт эпохи Токугава. В этот период произошло переосмысление самурайством своей роли. От орудия войны, они стали хранителями мира. Этот самый «Великий мир» – «*Raх Tokugawana*» – стал огромным достижением после веков внутренней смуты. Общественно-политический строй гарантировал самое главное: стабильность и неизменность общественных порядков. Сёгуны Токугава выступали главными хранителями и арбитрами в деле поддержания мира. В этом смысле верность самурая своему

господину, будь то князь, сёгун или *хатамото*, передающаяся из поколения в поколения – один из столпов этой стабильности.

Статья не ограничивается лишь историей о *ронинах* из Ако:. В частности, для понимания сложной иерархической системы в период Токугава, основанной на земле, автор упоминает, что «храмовое управление» *дзися-бугё*:, не просто управляло храмами, как может показаться из названия. Помимо прочего, это был орган управления храмовыми землями, которые имели своих крестьян, а значит собирали налоги. Кроме того, храмы служили, как своего рода «ЗАГСы» Японии периода Токугава.

Наравне с *ронинами* из Ако: персонажами легенды выступают места действия – замок Эдо, усадьба Кира Ёсинака и т. д. Структура замка Эдо четко соответствовала статусному разделению внутри воинского сословия, и отражала сложный этикет периода Эдо. Местам действия легенды посвящена статья Гусевой А. В. **«Архитектура места действия. Замки, дворцы и усадьбы эпохи Эдо».**

Как и в предыдущей статье, автор не ограничивает себя лишь событиями 1701–1703 гг., предлагая анализ эволюции жилищ, дворцов и замков от периода Камакура к периоду Эдо. Автор, обладая значительной компетенцией в области японской архитектуры, анализирует процесс эволюции японских воинских жилищ, и как менялся облик дворцов сёгунов, князей, а также усадеб воинских домов.

Чётко прописанный церемониал замка Эдо – одна из первопричин конфликта Асано Наганори и Кира Ёсинака. Автор приводит краткую историю становления этого замка, начиная от твердынь предшественников Токугава Иэясу – Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Сам замок Эдо, как известно, утрачен, и наши представления о нем основываются на сохранившихся источниках и аналогичных строениях-современниках. Например, как справедливо указывает Анна Валентиновна, ориентиром может служить внутреннее убранство замка Нидзё: в Киото, который выступал резиденцией сёгунов в столице. Интерьеры замка Нидзё:, как и замка Эдо, чрезвычайно богаты и эстетически красивы. Можно вспомнить картину художника Мурата Танрё: (1872–1940) под названием «Возвращение власти сёгуном императору» (яп. *тайсэй хо:кандзу*)<sup>2</sup>. На ней изображены прекрасные

---

<sup>2</sup> Вопреки расхожему мнению, на этой картине изображено не оглашение решения Токугава Ёсинобу вернуть власть императору старшим вассалам каждого княжества в главном зале О:хирома замка Нидзё: 8 ноября 1868 г., а оглашение этого решения

росписи ширм и стен зала Куросёин. Дворец был разделен на несколько основных залов. Самый важный – О:хирома, зал приёмов и крупных церемоний. Эпоха «Великого мира» поспособствовала расцвету множества искусств и ремёсел, в том числе искусства интерьеров.

В статье приводится план замка Эдо, созданный в тот же временной период, когда произошел инцидент с 47 *ронинами*. Глядя на этот план, мы можем оценить масштаб дворца в Эдо, который был похож на лабиринт из коридоров, комнат и залов. В настоящее время на месте дворца располагаются восточные сады императорского дворца, открытые публике. Строения замка в период Токугава исполняли уже не столько военную функцию, сколько выступали резиденцией, административным объектом, столицей и центром концентрации самураев. Замок – внешне военная постройка – внутри представлял собой подобие двора. Твердыня Токугава была символом могущества сёгуна, и вся его структура отражала разницу между сёгунами, князьями и слугами. Как указывает автор статьи, во многом здесь прослеживается влияние неоконфуцианства и его стремления к стандартизации и формализации отношений между людьми и сословиями.

Автор также описывает место, где произошло нападение на Кира Ёсинака – коридор Мацу-но-о:ро:ка. До наших дней дошли лишь описания и изображения этого длинного 50 метрового коридора, украшенного изображениями сосен и птиц-ржанок. В частности, малое количество изображений внутреннего убранства можно объяснить существовавшим запретом на изображение сёгунов.

Второе по важности место в истории о *ронинах* – усадьба Кира Ёсинака, которую в финале штурмуют *ронины* Ако: . Усадьба воинского клана, это не просто жилище, а небольшая крепость. Для понимания того, откуда возникли подобного рода усадьбы, Гусева А. В. приводит историю развития архитектурного стиля *сёин-дзукури*, описывает комнаты и их функции. Это развитие подчеркивало собой трансформацию самурайского сословия, его переход к мирной жизни. Усадьбы – небольшие лабиринты, в которых сложно разобраться, не зная плана. В этом смысле становится понятно, почему для *ронинов* из Ако: так важно было заранее получить план усадьбы Ёсинака, что и было сделано.

вассалам сёгуна и чиновникам 7 ноября в зале Куросёин. В главном зале Нидзё: находится ширма с изображением сосен, а в зале Куросёин и на картине изображены ширмы с цветущей сакурой.

Если замок Эдо выступал центром жизни сёгуната, центр жизни обычного князя или влиятельного вассала сёгуна располагался в его усадьбе. В период Эдо вокруг большинства замков разрастаются т.н. *дзё:ка-мати*, «призамковые города», рост которых обуславливался концентрацией самураев в городах. Более всех городов расцвел Эдо. Благодаря система «поочередного прибытия на службу» (яп. *санкин-ко:тай*), в городе строились сотни резиденций для *даймё*: и их вассалов. Приток самураев вызвал приток обслуживающего персонала – купцов, ремесленников, торговцев, а также рост т. н. увеселительных кварталов.

Особенно хочется отметить анализ истории замка Ако:, приведенный автором. История этого замка позволяет заглянуть за кулисы жизнь среднерангового феодала. Автор статьи приводит теорию, согласно которой отличительной особенностью этого замка являлось то, что его строение было вдохновлено западной фортификационной наукой. Действительно, фотографии 1930-х гг., сделанные с высоты птичьего полёта, позволяют нам увидеть определенные звездообразные черты. Когда замок строили в его нынешнем виде в 1640-е гг., Япония уже какое-то время вела обмен с западными странами, а официальная политика *сакоку* («страна на замке», период внешней изоляции) начнется только в 1641 г.

Замок Ако:, несмотря на свою кажущуюся заурядность, стал центром сразу нескольких инцидентов в период Эдо. Например, в 1863 г. в ходе внутривассалитического конфликта 13 самураев из радикальной фракции *сонно:-дзё:и*<sup>3</sup> убили старшего вассала княжества Мори Кадзунори (1836–1863) и ученого-конфуцианца Мураками Синсукэ (1798–1863). Еще ранее, во время правления рода Икэда в княжестве Ако:, князь Икэда Тэруоки (1611–1647) сошел с ума и убил свою наложницу и несколько служанок. Ввиду этого, замок Ако: имеет длинную историю «инцидентов».

К сожалению, до наших времен сохранилось лишь небольшое количество японских замков. Часть погибла в войнах XIV–XVII вв., часть срыли в начале периода Токугава, часть уже после Реставрации Мэйдзи 1868 г. Многие сохранившиеся до XX в. замки были уничтожены пламенем Второй Мировой войны.

---

<sup>3</sup> «Почитание императора, изгнание варваров» – политический лозунг периода *бакумацу* (1853–1868), требовавший от сёгуната Токугава большего уважения к императору и императорскому двору в Киото, а также изгнания иностранцев из Японии.

Далее следует статья «В союзе мстителей. Оружие сорока семи ронинов», написанная японистом и знатоком материальной культуры воинского сословия Японии – **Синицыным А. Ю.**, старшим научным сотрудником МАЭ РАН. В своей статье автор анализирует ту экипировку которую использовали *ронины* из Ако:, а также углубляется в вопрос принадлежности тех или иных образцов клинкового оружия *ронинам*. Как уже упоминалось, в XVIII в. Япония находилась в эпохе мира, и воевать самураям не приходилось. Тем не менее, для них имелись и занятия иного рода. Так, самурайские отряды выступали как пожарные, выходя на тушение пожаров в настоящей самурайской экипировке. Многие элементы этой «пожарной» экипировки переняли и *ронины* из Ако:. Характерными элементами обмундирования *ронинов* были кольчужные доспехи, облегченная защита головы (налобные пластины), скрупулёзно подобранное оружие и инструменты.

В частности, последние два элемента подбирались конкретно под нужды штурма усадьбы Кира Ёсинака. Например, вместо больших луков предпочтение дали маленьким, из которых удобнее стрелять в узких пространствах. Для взлома защитных укреплений усадьбы использовались штурмовые инструменты: кувалды, пилы, секиры, крючки на шесте и т. д. Все это указывает на наличие четкого и продуманного плана действий у *ронинов*. Что касается гравюр Утагава Куниёси, представленных в альбоме, то автор статьи констатирует, что на них оружие *ронинов* изображено достаточно схематично, с допущенными искажениями. Более мелкие декоративные элементы изображены детальнее. Синицын А. Ю. высказывает обоснованные сомнения, что *ронины* обладали *катана* от знаменитых мастеров-кузнецов, о чем часто пишут в нарративных источниках.

В статье хочется особенно отметить сравнительный анализ доступных нам источников о том, каким оружием владели те или иные *ронины*. На стр. 66–75 располагается таблица, где указаны герои повествования на гравюрах и сопоставляется их оружие на гравюрах и в реальности. С помощью этой таблицы можно сравнить образ *ронинов* из Ако: с изобразительных источников с их возможным реальным обликом. Далее автор приводит уникальный в своем роде список кузнецов, которые могли быть причастны к изготовлению клинков *ронинов* из Ако:. Список содержит 34 имени, и под

каждым именем могло скрываться от 1 до 25 кузнецов. То, что автор смог определить многих из них и описать – достойно всяческой похвалы.

Статья **И. В. Мельниковой «Во внутренних покоях. Женщины самурайского сословия в XVIII–XIX вв.»** – логичное дополнение статьи Н. Н. Трубниковой, но теперь рассуждение о долге переместилось на «другую сторону»: в фокусе исследования Ирины Витальевны – женский образ и восприятие женского долга. Автор изучает разные роли, которые играли женщины самурайского сословия в XVIII–XIX вв., с опорой на дидактические тексты Кайбара Экиэн (1630–1714) и других японских мыслителей, и более современные японские и западные труды по теме. Несмотря на сравнительно скудное число сохранившихся до нас деталей повседневного быта женщин самурайского сословия, И. В. Мельниковой удалось «написать» портрет «типичной» для эпохи женщины – девушки, жены, матери, – героини гравюр Утагава Куниёси.

Разброс тем для изучения в одной статье достаточно велик – от особенностей образования и морального воспитания девочек в начале XVIII в. до деталей регламентации практически всех аспектов их социальной, культурной и личной жизни. Крайне любопытно замечание автора о том, что существовали различия между семейным обучением девушек в самурайских семьях высшего ранга и рангами ниже. Одно из главных – отцы могли учить дочерей тому же, чему учили сыновей. Это значительно поднимало уровень образованности женщины из «высших слоёв» в сравнении с «низшими» и открывало для женщины больше возможностей. Статья проливает свет на то, какие действительно были права у женской части населения в семьях разного происхождения и достатка, что тем более ценно сейчас, когда тема недостаточно раскрыта в отечественном японоведении и находится на стадии активного изучения. В тексте главы также есть вставка из первоисточника [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 91–92]: перевод двенадцати из двадцати трех предостережений книги «Заветы Имагава для женщин» (другое название «Онна Имагава», автор – Савада Кити, впервые издан в 1687 г.). Это дополнение ярко характеризует образ «правильной женщины», к которому девочкам эпохи Токугава следовало стремиться с раннего возраста.

И. В. Мельникова, как бы расширяя краткий фрагмент статьи Н. Н. Трубниковой, добавляет, что «Даже в книгах такого дидак-

тического жанра, как жизнеописания образцовых женщин, вплоть до начала XIX в. не было японских героинь, которые бы покончили с собой из чувства долга» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 92]. Этот тезис отражает эволюцию в восприятии понятия женского долга: от защиты семейной репутации к разрушительному самопожертвованию. С другой стороны, сказать наверняка, были ли истории о женских самоубийствах идеологическим мифом или реальной тенденцией в обществе того времени, затруднительно.

В статье отведено особое место анализу женской мемуарной традиции в Японии (на примере мемуаров Исэки Такако) и судьбам героинь вроде Ямамото Яэко (1845–1932), чьи действия иллюстрируют переход от пассивной преданности мужу-господину к активной социальной роли. Как пишет сама Ирина Витальевна, «всего же известно приблизительно двенадцать тысяч женщин, которые оставили после себя творческое наследие, главным образом стихотворное» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 83]. Она также отмечает, что до второй половины XX в. изучение воспоминаний и документальных свидетельств быта женщин не было распространено. Вероятнее всего, подвижкам в этой области способствовал рост феминистических настроений как в Японии, так и в мире в целом. Ирина Витальевна тоже внесла свой вклад в изучение женской истории своей примечательной статьей в данном сборнике.

**«Тюсингура: Сюжет о сорока семи преданных вассалах в театре кабуки»** – еще один этап в исследовательской карьере специалиста по изучению становления и развития театра кабуки **В. В. Хомченковой**. Ранее Варвара Валентиновна публиковала исследования на смежные темы [Хомченкова 2024, Хомченкова 2022, Хомченкова 2020]. В «Расставаясь с жизнью...» В. В. Хомченкова приняла участие как театровед и рассмотрела влияние постановок сюжета «Тю:сингура» на культуру периодов Эдо и Мэйдзи.

Автор выделяет в статье несколько ключевых аспектов, которые раскрывают исторический и культурный контекст сюжета о 47 *ронидах* из Ако:. Варвара Валентиновна подробно анализирует эволюцию нарратива от версий реального инцидента, произошедшего в самом начале XVIII в. (которых было несколько) до их сценических адаптаций. В этом анализе В. В. Хомченкова подчеркивает конфликтное положение театральной традиции, находящейся под контролем цензуры *бакуфу*. Кабуки был «зеркалом»

общественной жизни и, несмотря на запреты, реальные исторические события спешно перемещались на сценический подиум с измененными именами персонажей и в декорациях более старых эпох. Как пишет сама В. В. Хомченкова, после инцидента стали выходить первые тексты о происшествии, их можно разделить на две категории: записи реальных людей, связанных с *ронинами*, то есть достоверные хроники *дзицуроку* (яп. 実録), и художественные произведения, созданные для сцены (бунраку, кабуки) и печати, они изобиловали неправдоподобными деталями, которые были заимствованы из слухов *фусэцу* (яп. 風説). Чтобы обойти цензуру, драматургам приходилось переносить реальное событие в прошлое, создавая таким образом новую вселенную, или *сэкай* (яп. 世界) — мир художественного произведения. Так и возникали две параллельные истории [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 101].

Особое внимание в работе уделяется мести как культурному феномену. Статья сравнивает «Тю:сингура» с европейскими «трагедиями мести» и явлением «сандай адаути» (три великие мести). В. В. Хомченкова указывает на противостояние двух полярных друг другу философско-этических понятий: *ниндзё* (человеческие чувства) и *гири* (нравственный долг). «Общественное-внешнее» конфликтует в повседневной жизни японцев с «внутренним-личным» и этот дуализм хорошо прослеживается в сюжете «Тю:сингура». В статье сделано ценное в этой связи замечание – в основе конфликта лежит не только моральная, но еще и общественная причина: по законам времени, когда произошел инцидент, не все из сорока семи самураев имели право на месть. Детали этих ограничений представлены в настоящей статье.

Но самое важное, что читателю предлагает статья – краткое, но структурированное «обозрение» одного и того же сюжета в нескольких отличных друг от друга адаптациях. Варвара Валентиновна рассматривает несколько постановок: «Атака братьев Сога на исходе ночи» (Ёути Сога акэбоно, 1703 г.), «Сказание о великом мире на доске для игры в го» (Гобан Тайхэйки, 1710 г.), «Стремена необъезженной лошади из Мусаси» (Оникагэ Мусаси абуми, 1710 г.), «Золотая поэтическая карта вассальной верности» (Тю:син коганэ-но тандзаку, 1732 г.) и «Сокровищница вассальной верности» (Канадэхон тю:сингура, 1748 г.), выделяет их отличительные особенности

и сходства. Если о последней отечественному читателю ранее доводилось слышать, то все остальные известны гораздо меньше и в этом – безусловная новизна статьи. Исследователь также дает ссылку на переводы «Сокровищницы...» на западные языки; в числе переводчиков – Фредерик Дикинс (1838–1915) и Дональд Кин (1922–2019). Более подробно автор рассматривает, конечно же, «Тю:сингуру» – от смыслов, заложенных в элементы инвентаря и костюмов актёров до ролей (которые, кстати, удобно вынесены в отдельные таблицы в конце статьи) [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 106–110].

Статья **А. И. Голда «“История о цветке, история о снеге”: Образ ронинов из Аки в кинематографе, анимации и комиксах»** органично дополняет сборник краткой ретроспективой визуальных адаптаций сюжета о 47 *рониных* из Аки. Автор детально изучил то, как один и тот же нарратив трансформировался под влиянием быстро сменяющихся друг друга эпох и находил разные воплощения в кинематографе и анимации. Подчеркивая преемственность и плавный переход истории о *рониных* от сцены театра к декорациям кино, Анна Ивановна отмечает, что «сложно найти другую страну, где игровое кино имело бы так много точек соприкосновения с театральной традицией и являлось ее органичным продолжением» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 115]. Автор отмечает также то, что сюжет «о вассалах из Аки:» – одна из «вечных» тем японского кинематографического искусства. Его продолжают переосмысливать и сегодня, одна из самых последних адаптаций – 2022 г. («Клинок 47 ронинов», Netflix, 2022 г.)

Безусловная ценность данного исследования в том, что А. И. Голда удалось проследить все этапы эволюции сюжета 47 *ронинов* от театра к кино, ТВ, аниме и манге в XX–XXI вв. Первый этап: прямое влияние цензуры в милитаристской Японии в 1930–1940-х гг. В этот период фильмы о 47 *рониных* использовались как инструмент идеологической пропаганды долга, чести и самопожертвования. Как пишет сама Анна Ивановна, «...ленты этого времени представляют собой довольно близкие к первоначальной легенде произведения, полностью сконцентрированные на вопросах долга и чести воина, концепции оправданного отмщения и моральных нормах, присущих самурайскому сословию» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 117]. Второй этап: послевоенный переход к цветному кино и ТВ в 1950–1970-х гг. (яркий пример – многосерийный проект «Великая тю:сингура»

(Дай тю:сингура), 1971). Это время расцвета разнообразных сериалов и мультсериалов по мотивам истории о 47 *ронинах*. Смещается также ценностно-смысловой фокус с идеологического на развитие характеров персонажей (в том числе и персонажей второго плана). Третий этап: вольные адаптации последнего десятилетия XX – первых десятилетий XXI в. Анализируется западное восприятие сюжета, во многом основанное на непонимании ключевых аспектов японской драматургии. А. И. Голда подытоживает анализ описанием процесса деконструкции самого жанра «героя-мстителя» в современных анимационных проектах, вдохновленных «Тю:сингура». Произошел постепенный отказ от восхваления ритуалов традиционной мести в пользу гуманизма и романтизации благородного компромисса.

Статья также выявляет еще одну примечательную и при этом не самую очевидную особенность сюжета о «вассалах из Акого» – он практически не нашел адаптации «в чистом виде» в манга или анимэ. Существует множество так называемых «отсылок» на какие-то основополагающие элементы «Тю:сингура», но, по словам А. И. Голда, анимация менее охотно, чем кинематограф, принимает в производство историю о вассальной преданности и кровной мести. Автор считает этот факт «парадоксальным», но с этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти: неоднозначная мораль оригинальной «Тю:сингура», связанная с местью и саморазрушительным поведением, на Западе не приветствуется, а значит и жанр «анимэ», значительная часть произведений которого ориентирована и на западную аудиторию, вряд ли бы пропустил через собственную «цензуру» практически полностью повторяющую суть оригинала адаптацию. Каждый из разделов статьи логично продолжает предыдущий, поэтому у читателя при прочтении возникает чёткая картина того, как рассматриваемый сюжет развивался, трансформировался и деконструировался на протяжении более чем ста лет.

В своей статье **«Предания о верных вассалах из Акого...» Альбом Итиюся Куниси в коллекции галереи KASUGAI** Е. О. Тягунова представила обширный и подробный анализ творческой деятельности художника Утагава Куниси (1798–1861). Указывая самые известные фамилии японских художников жанра *укиё-э* и самые популярные сюжеты гравюр эпохи Эдо и Мэйдзи, автор статьи вводит читателя в культурный «бэкграунд» того времени: это необходимо для более близкого знакомства с жанром и рабо-

тами мастеров школы Утагава. То, что данная статья не обделяет вниманием предшественников и продолжателей традиции Куниёси само по себе ценно, ведь эта научная работа предлагает логично и последовательно представленный срез художественного искусства XIX столетия.

Краткая биографическая справка отвечает на некоторые вопросы, которые могут возникнуть у читателя данной работы, такие как, например, почему на протяжении всей книги Утагава Куниёси носит псевдоним – Итиюсай Куниёси. Кроме того, статья не сосредотачивается исключительно на теме «*ронинов* из Акого», а также рассматривает более ранние серии гравюр кисти мастера Куниёси, что выходит за тематические рамки сборника. Жанровое разнообразие работ Куниёси включает в себя такие жанры, как *гига* (юмористическая гравюра), *митатэ-э* (соединение классики и повседневности в гравюре), *сюнга* (эротическая гравюра) и др.

Поскольку альбом-сборник фокусируется на истории «вассалов из Акого», в статье детально рассматривается структура листов гравюр «Сэйтю: гиси-дэн» и «Сэйтю: гисин-дэн» (в частности нумерация и особенности оформления листов). Автора интересуют распространенные типы персонажей и сюжетов в этих двух сериях, приводится уже упомянутая типология М. В. Успенского. Примечательно также и то, что кроме основных серий у Куниёси были и побочные, не дошедшие до отечественного читателя – «Зерцало преданных вассалов» (Гиси тю:син кагами, 1848 г.) и «Сравнение знаменитых преданных вассалов» (Тю:син гиси комё курабэ, 1848 г.): Е. О. Тягунова выделяет динамичность и выразительность гравюр этих серий в сравнении с известными нам сериями.

Помимо ссылок на работы М. В. Успенского, автор также обращается к музейным каталогам (ГМИИ им. Пушкина, Эрмитаж), выставочным изданиям и исследованиям коллекций (например, коллекции А. С. Орлов-Кретчмера и К. Г. Данелии).

Отдельное внимание автор уделяет вопросам цензуры – как в случае с *ронинами* из Акого, так и с другими сюжетами, были такие темы и проблемные области, отражение которых в творчестве критически не приветствовалось. Авторы прибегали к множеству средств выразительности, чтобы «завуалировать» смысл своих работ (шифры, подмена имён персонажей, вымысел и т. д.). Исследователь отмечает, что, «...Пытаясь обойти цензуру, художники

обращались к героям периода, который предшествовал эпохе Воюющих провинций (вторая половина XV начало XVII в.)» [Расставаясь с жизнью..., 2025, с. 123]. Такая практика пережила даже Реставрацию Мэйдзи 1868 г. Например, изображая сцену гражданской войны в провинции Этиго в 1868 г., художник Утагава Ёсимори (1830–1885) в своей работе «Этиго-куни Синаногава Такэда-Уэсуги дай кассэн-но дзу» изменил стороны конфликта: вместо правительственных войск и войск мятежного княжества Нагаока указаны воинства родов Такэда и Уэсуги, отсылая таким образом к событиям период Сэнгоку.

В заключение можно сказать, что Е. О. Тягунова представила очень подробный обзор представленных в альбоме серий гравюр как с искусствоведческой (профессиональной) точки зрения, так и с точки зрения заинтересованного наблюдателя, для которого произведения Утагава Куниёси – источник вдохновения и маленький портал в японскую традиционную культуру.

Закрывает серию научных работ в альбоме статья историка-япониста **Ф. В. Кубасова** – «**Стоя на плечах гигантов. Вместо предисловия переводчика**». Как видно из названия, это не столько научная статья, сколько комментарий-эссе к переводу «Жизнеописаний...». Ф. В. Кубасов взял на себя непростую задачу – перевести ранее не переведенную на русский язык серию работ «Жизнеописания преданных и верных сердец». Основная серия была практически полностью переведена на русский язык М. В. Успенским. Данный перевод также представлен в альбоме, но, благодаря усилиям Ф. В. Кубасова, дополнен теми гравюрами, к которым у русского читателя прежде не было доступа. Кроме того, переводчик смог «закончить» то, что не смог его предшественник, а именно – представить перевод шести листов «Жизнеописания преданных и верных вассалов», которые М. В. Успенский не перевел «в силу отсутствия их в собрании Государственного Эрмитажа» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 145]. Ф. В. Кубасов отмечает, что не стремился полностью подражать уникальной манере его предшественника.

Переводчик не останавливается подробно на биографии художников и автора текстов. Автор начинает с рассмотрения особенностей (и трудностей) перевода и текста первоисточников, с которыми он работал. Таким образом, статья делится на несколько смысловых частей: краткий обзор сюжетов переведенных текстов,

размышления о работе с поэтическим материалом и другие детали рабочего процесса, о которых переводчик счёл необходимым упомянуть отдельно.

Анализируя сюжеты гравюр «Жизнеописания преданных и верных сердец», Ф. В. Кубасов предлагает вниманию читателя несколько конкретных примеров, которые считает показательными – все они иллюстрируют образ «идеальной женщины из самурайского сословия». Для каждого сюжета указан соответствующий лист альбома, поэтому читателю при работе с книгой не составит труда сопоставить заметки Ф. В. Кубасова и соответствующие страницы с гравюрами. Одной из сильных сторон данной статьи может считаться то, что Ф. В. Кубасов пристально изучает содержание текстов первоисточников на предмет несоответствия текста и иллюстрации и, несмотря на то, что на часть вопросов переводчик пока не нашел ответ, его комментарий даёт более полное представление о деталях рассматриваемых сюжетов. Исследователь также справедливо заметил, что «некоторые тексты из двух серий описывают одну и ту же историю с разных ракурсов – например, лист из “Сэйтю гиси-дэн” с изображением воина Онодэры Дзюная (лист 9 “вассалов”) и лист из “Сэйтю гисин-дэн” с изображением его жены (лист 4 “сердец”))» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 148].

Резюмируя, можно с уверенностью утверждать, что Ф. В. Кубасов проделал впечатляющую работу по переводу, таким образом открыв для будущих исследователей новое поле для более углубленного изучения творчества Утагава Куниёси и автора сопроводительных текстов гравюр Иппицуан.

При прочтении трудно не отметить, что, на контрасте с остальными статьями сборника, эта подглава включает заметный автобиографический аспект и научный стиль изложения здесь чуть менее выражен, чем в предыдущих фрагментах. Это объясняется спецификой данного сборника. Тем не менее, особенности стиля не лишают заметку первой научной ценности.

В завершение рецензии, безусловно не передающей всю глубину и богатство рассматриваемого альбома, хочется еще раз отметить уникальный формат данной работы. Альбом «Расставаясь с жизнью...» находится на стыке сразу нескольких сфер: научной, живописной, культурной, и даже области библиофилии – страсти к коллекционированию ценных и дорогих изданий. Во всех этих

сферах альбом выступает отлично: научные статьи имеют свою ценность и новизну, представляя собой хоть и небольшие, но полноценные научные исследования, изображения гравюр приносят эстетическое удовольствие, а качество издания не может не вызывать восторг.

Сложно привести какие-то минусы, которые относились бы непосредственно к содержанию работы. Тем не менее, хочется еще раз отметить малую доступность данного альбома – цена достаточно высока, а количество библиотек с данной работой ограничено.

В остальном, авторы данной рецензии констатируют успех первой издательской инициативы галереи KASUGAI, и надеются в будущем увидеть новые издания от этого коллектива.

### Библиографический список

Воробьева Д. И. (2024). Мастера укиё-э школы Утагава: Куниёси и Кунисада. Рецензия на переиздание монографии М. В. Успенского «Куниёси и его время». *Ежегодник Японии*. Т. 53. С. 431–444.

*Расставаясь с жизнью: предания о верных вассалах из Аки в иллюстрациях Итиюся Куниёси*. (2025) – Санкт-Петербург: Издательство галереи KASUGAI

Хомченкова В. В. (пер.) (2020). Пьеса театра кабуки «Повелитель грома» («Наруками»). Предисловие, перевод и комментарии. *Ежегодник Японии*. Т. 49. – Москва: Наука. С. 454–495.

Хомченкова В. В. (2022) О переводе и комментарии пьес театра Кабуки. *История и культура Японии. Orientalia et Classica. Вып. 14*. – Москва: НИУ ВШЭ. С. 95–99.

Хомченкова В. В. (2024) «Свиток пожертвований». Пьеса театра Кабуки «Кандзинтё:». *Японские исследования*. 2024. № 1. С. 16–43.

### References

Khomchenkova, V. V. (transl.) (2020). Pyesa teatra kabuki “Povelitely groma” (“Narukami”). Predisloviye, perevod I commentarii. [“The Thunder God”. The Kabuki Play *Narukami*. Introduction, translation, and comments]. *Yearbook Japan*. Vol. 49. P. 454–495. (In Russian).

Khomchenkova V. V. (2022) O perevode I kommentarii pyes teatra Kabuki. [Translation of and Commentary on the Kabuki Drama]. *History and Culture of Japan. Orientalia et Classica. Issue 14*. – Moscow: HSE University. P. 95–99. (In Russian).

Khomchenkova V. V. (2024). “Svitok pojertvovaniy”. Pyesa teatra Kabuki “Kanjinchō” [“The Subscription List.” The Kabuki play Kanjinchō]. *Japanese Studies in Russia*. № 1. P. 16–43. (In Russian).

*Rasstavayas' s zhizn'yu: predaniya o vernykh vassalakh iz Ako v illyustratsiyakh Itiyusaya Kuniesi*. (2025). [Parting With Life. Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo galerei KASUGAI. (In Russian).

Vorobeva D. I. (2024) Mastera ukiyo-e shkoly Utagawa: Kuniyosi I Kunisada. Retsenziya na pereizdaniye monographii M. V. Uspenskogo “Kuniyoshi I ego vremya” [*Ukiyo-e* Masters of the Utagawa School: Kuniyoshi and Kunisada. Review of the Second Edition of M. V. Uspensky's Monograph «Kuniyoshi and His Time»]. *Yearbook Japan*. Vol. 53. P. 431–444. (In Russian).